

Было обычное утро в домике на поляне. Инка потянулась и снова уткнулась в жёлтую плюшевую морду Гав-Гавыча. Тощая застиранная собачка всегда охраняла её сон – по крайней мере, Инка в это свято верила с тех пор, как себя помнила. Тик-так-так, тик-так-так – мерно тикали на стене старые деревянные часы. На огне закипала вода для утреннего травяного чая. Пузырьки то громко ворчали, то тихонечко перешёптывались, словно обсуждали сегодняшний день друг с другом. Сладко пахло свежеспечёнными вафлями. «Обожаю с клубничным вареньем», – подумала Инка и снова лениво потянулась под мягким одеяльцем.

«Вставай, солнышко» — раздался где-то рядом тихий мамин голос. «М-м-м» — проворчала Инка в ответ. Ещё чуточку... Вставать из тёплой пуховой постельки совсем не хотелось. «Ну, вставай же, зайчик мой! Смотри, кто здесь!» — на этот раз мама шептала на ушко, и её волосы немножко щекотали щёку. Инка осторожно приоткрыла один глаз. Комнату заливало утреннее солнце, а на белой дощатой стене напротив сияли разноцветные дорожки. Чудеса! Девочку словно сдуло с постели. Ну разве устоишь перед таким искушением: перебирать мерцающие полоски, чтобы прозрачные огонёчки переливались на коже — красный, оранжевый, жёлтый, зелёный, голубой, синий, фиолетовый... Как здорово, что радуга живёт здесь, прямо в их доме!

— Инка, потом наиграешься! Еда почти остыла. — В мамином голосе появились нетерпеливые нотки.

— Иду-у-у! — отозвалась девочка, с неохотой отрываясь от своего преинтереснейшего занятия. Ну вот так всегда! И почему это мамы считают, что исключительно их дела самые важные и срочные? Ведь, по правде сказать, так считают только они.

— Я испекла твои любимые вафли. Одевайся и садись скорее! — Мамин голос, кажется, начинал сердиться.

— А клубничное варенье? — спросила Инка, натягивая на ходу любимое красное платье.

— Сегодня вафли с яблочным джемом, — с этими словами мама выставила на стол вазочку с вязкой тёмно-жёлтой неаппетитной субстанцией. — Клубники осталась всего одна баночка, и мы подарим её бабе Симе на день

рождения. Надеюсь, ты не забыла, что сегодня мы едем к ней в гости.

– Бэ-э-э... Мам, меня сейчас стошнит! – Для выразительности Инка высунула язык и начала некрасиво давиться прямо за обеденным столом.

– Инка, перестань! Не капризничай хотя бы сегодня! – пригрозила мама.

– Ну, маму-у-улучка... – протянула Инка своим самым ласковым голоском. – А можно мне никуда не ехать? Я тогда буду вести себя хорошо. Обещаю-преобещаю!

– Помнится, ещё вчера ты обещала поехать завтра к прабабушке. Так вот, завтра, между прочим, уже наступило.

– Ну я же не говорила, что это будет в это завтра. Давай я поеду в следующее. Ей же уже лет сто! Она старая-престарая, и мне у нее ужасно скучно. Фу!

– Дочка, так нельзя! – Мама укоризненно покачала головой. – Как только тебе не стыдно? Конечно, баба Сима наша уже старенькая, но поэтому мы и должны о ней заботиться. Мы её семья. А семья – это все за одного.

– Не хочу я ни о ком заботиться! – Инка поджала губы и придвинула к себе кружку сладкого чая с молоком.

– Ну, нельзя же всё время думать только о себе! – возмутилась мама. – Баба Сима так для нас старается. Вспомни, сколько раз она угощала тебя своими пирожками с клюквой!

– Подумаешь, пирожки, – фыркнула Инка и демонстративно закатила глаза. Как же бесят её все эти нравоучительные разговоры!

— Очень жаль, что ты этого не ценишь. — По нахмуренным бровям было видно, как мама расстроена.

— Всё равно не поеду! — Инка надула губы как можно больше, чтобы даже издалека было понятно, как ей не нравится мамина затея с днём рождения.

— Поедешь, — мама внимательно посмотрела на Инку и, немного подумав, добавила. — Будет очень хорошо, если ты наденешь сегодня вместо красного платья сарафан, который связала тебе баба Сима. Тот жёлтый, помнишь? Ей будет приятно. Кстати, я как раз нашла его под твоей кроватью и отстирала от пыли. Просох уже, наверное, на солнце.

— За что-о-о?! — Инка чуть не поперхнулась чаем. — Я не надену ЭТО! Он уродский!

— Зря ты так, — ответила мама и сделала большой глоток из своей чашки. — Очень симпатичный сарафан. Жаль, ты совсем его не носишь.

— Но меня ж в нём засмеют! Как я в нём поеду? — не сдавалась Инка. Негодование в ней так и клокотало — вот-вот через край выплеснется.

— Поедешь, — холодно парировала мама. — Это не обсуждается.

— Это несправедливо! — взорвалась Инка. — Ненавижу этот сарафан! И бабу Симу, и тебя ненавижу! Всё, ухожу от вас! До свидания! И... и вообще... лучше б у меня была другая мама! Добрая, а не как ты!

С этими словами Инка вскочила со стула и бросилась к входной двери. Только не подумайте, что она была плохой, капризной девочкой. Вовсе нет. Просто так

бывает, что тебе очень не нравится есть яблочный джем вместо клубничного варенья, не хочется ехать к старой-престарой прабабушке и носить старомодный сарафан вместо любимого красного платья. А огорчительные слова вырываются как-то сами собой. И знаете, такое порой случается даже с очень взрослыми людьми.

Конечно, в том, чтобы гулять на голодный желудок радости было мало, но «вредная родительница», судя по всему, не собиралась звать Инку обратно для примирения. Пришлось сердито – как можно громче – хлопнуть дверью и забыть про вкусное чаепитие.

Знать бы Инке, что ждёт её за порогом дома, она бы наверняка снова легла спать в свою тёплую пуховую постельку и не ссорилась с мамой по пустякам.

А на улице, как на зло, всё было прекрасно. Яркое тёплое солнце слепило глаза и щекотало нос. По голубому небу умильными барашками резво бежали пухлявые шерстяные облачка, в свежем утреннем воздухе разносился упоительный аромат свежескошенной травы. М-м-м... Ну вот скажите, пожалуйста, как радоваться всему этому после ссоры – громкой, большой, с криками и хлопаньем дверей?! Желания любоваться живописными сельскими окрестностями у Инки не было совершенно...

...Нахмурившись, будто пасмурный осенний день, она наконец уселась под огромным раскидистым деревом, растущим рядом с их домом. Перед ней лёгкий ветерок трепал на верёвке останки жёлтого сарафана, который когда-то – Инка себе это живо представила – тёмными

вечерами вязала её старенькая подслеповатая прабабушка Сима и который всего минуту назад был безжалостно искромсан садовыми ножницами – лишь бы не носить ЭТО никогда в жизни!

На душе скребли кошки. Инке вдруг стало жалко себя, этот злополучный сарафан, который теперь уже не воскресить, бабу Симу и маму – они точно сильно огорчатся, узнав о её поступке. И будут все эти тяжёлые укоры с вопросом: как только она могла так поступить?.. Что теперь делать-то?

Инка в отчаянии бросилась на мягкую траву. Получается, она одна во всём и перед всеми виновата... Ну уж нет! Она крепко-крепко зажмурилась и попыталась заново разозлиться:

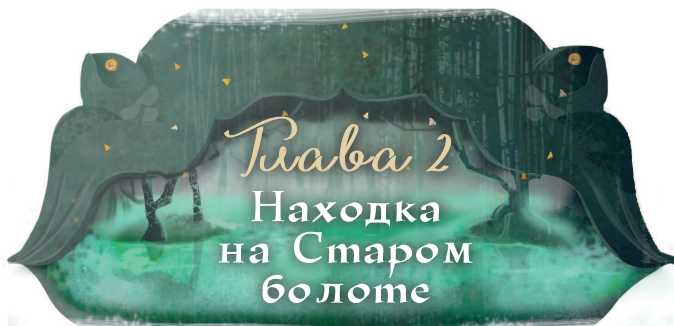
– Плохая мама! Всё из-за неё! Вот возьму, спрячусь где-нибудь в лесу за задним двором, и пусть ищет меня весь день, помучается. Узнает тогда, как без меня плохо! Или, вообще, уйду от неё! Навсегда! Не нужна мне такая мама!

Не успела Инка об этом подумать, как на горизонте появилась громоздкая чёрная туча. И какая! Словно воплощение её мрачных мыслей. И вот что странно: это взлохмаченное чернильное чудовище, казалось, стремительно и напористо двигалось прямо на Инку. Оно стирало собой небесную лазурь, прихватив и уютное ласковое солнце. Тьма накрыла все вокруг. Ещё мгновение – и устрашающих размеров грозовая туча нависла прямо над Инкой. Штормящее угольное небо сотряслось от оглушительного громового раската и проросло огненными корнями вниз,

до самой земли. Тут же мир вокруг прорвался потоком ледяного дождя. Подул резкий ветер — да такой сильный, что ветки дерева согнулись почти до земли. Всё вокруг завертелось, закружилось, засвистело... «Ма-а-а!» — только и успела пискнуть Инка. Дыхание перехватило, глаза почти ослепли от хлёстких дождевых струй, руки и ноги потеряли опору и оторвались от земли... Ветер закрутил Инку в противном холодном потоке, втянул в открывшуюся в воздухе брешь и понёс — далеко-далеко от дома, где живёт радуга...

Инка не очень хорошо помнила, что было дальше. Только что ветер завывал, вихрил и швырял её из стороны в сторону, и вдруг всё исчезло. Наступила оглушительная тишина. Лишь сердце тяжело и гулко колотилось в груди — ту-дум, ту-дум, тум, ту-дум, тум. Поёжившись от холода и сырости, Инка медленно открыла глаза. Голова отчаянно кружилась, перед глазами всё плыло. Вокруг лишь белая густая пелена тумана, и она, будто в невесомости, лежит среди ватных облаков. «Где это я?» — не успела подумать Инка, как что-то тихо зашуршало совсем рядом. Она покрылась мурашками. Воображение тут же нарисовало ужасное пятиглазое страшилище с острыми длинными когтями. Мамочки!

Внезапно перед самым носом Инки из тумана, возникло тёмное лицо в чёрной шапке с дыркой. Оно возникло так неожиданно, что Инка невольно отшатнулась.

— Привет, ты кто? — шёпотом спросило лицо.

— П-п-привет! Я И-и-инка, — то ли от страха, то ли от холода Инка вдруг начала заикаться. — М-ме-н-ня в-в-ветер п-п-принёс.

— А-а, понятно. Давай вставай, Инка! А то за тобой сейчас придут. Надо спрятаться!

— К-к-кто придут? Чу-чудовища?

— Можно и так сказать. Вставай скорее! А то поздно будет!

Инка схватилась за протянутую ей руку в чёрной перчатке и с трудом поднялась на ноги. Внутри всё болело и ныло, будто она упала с невероятной высоты и одновременно набила себе тысячу шишек и синяков.

— Ну же... Не копайся! Бежим! — нетерпеливо потирали её незнакомец и тянул за руку куда-то в молочно-белое марево. В этот момент невдалеке раздался звук, который мог означать всё, что угодно, но точно очень страшное. А за ним послышалось мощное звериное рычание и протяжный, леденящий кровь скрежет.

— Что это? — испуганно выдохнула Инка.

— Я же сказал, бежим! — снова прошипел незнакомец и, не оборачиваясь, помчался вперёд.

Они бежали в непроглядном белом тумане по какой-то мокрой жиже, то и дело спотыкаясь о коряги и кочки. Внизу всё время чавкало, и ноги заливала ледяная вода. Рука, за которую незнакомец тянул Инку за собой, заныла

от боли. Сердце колотилось так, что казалось, его слышно по всей округе. Дыхание с шумом вырывалось наружу. «Быстрее! Живей!» – то и дело подгонял незнакомец, волоча за собой отстающую Инку, но Инка чувствовала, что быстрее уже никак не может.

А зловещий скрежет не отставал и раздавался снова и снова, каждый раз вырастая до пронзительного, раскатистого рёва. НЕЧТО уже наступало на пятки и готовилось напасть – Инка спиной ощущала приближение опасности. Опасности огромной, неотвратимой...

Вдруг незнакомец, словно налетев на невидимую стену, остановился и, задыхаясь, просипел: – П-п-пры-гай!

– К-к-куда? – выдавила из себя запыхавшаяся Инка.

– В... в лужу... прыгай...! Сказал... же... – сгибаясь пополам, чтобы отдышаться, снова пропыхтел незнакомец.

– С-сума-с-ш-шедший! Эт-то ж-ж... л-лужа!.. – Инка не понимала, чего в ней сейчас больше – удивления или возмущения. Согласитесь, обычно воспитанным детям запрещают прыгать в грязные лужи. А Инка все-таки считала себя девочкой воспитанной.

– Воздуха набери! – зло прошипел незнакомец, больно толкнул Инку в спину, и та неуклюже плюхнулась в грязную жижу... Но удивительное дело: о землю она не стукнулась, а мягко – словно в желе – провалилась куда-то под мутную воду. Лужа над ней сомкнулась. От неожиданного падения внутри что-то ухнуло, а в животе неприятно защекотало. Казалось, время остановилось. Неловко раскинув руки и затаив дыхание, Инка падала всё ниже, ниже и ниже, а рядом